

Грязь болота и золото нефти: стратегии советской литературной «колонизации» болот Сибири

Юлия Снежко

Кафедра русской филологии
Институт языков и культур стран Балтии
Вильнюсский университет
*Department of Russian Philology
Institute for the Languages and Cultures of the Baltic
Vilnius University*
E-mail: julija.snezko@ff.vu.lt
<https://orcid.org/0000-0001-5633-5318>

Аннотация. В статье анализируется специфика литературной риторики «колонизации» болот Западной Сибири и нефти. Показывается, каким образом выстраивается отношение к болотному пространству (посредством его абстрагирования, картографирования, поэтики прямой линии), сравниваются субстанции болота и нефти (липкость, вязкость, манящность, феминность), а также исследуются способы конструирования коллективного советского субъекта (идеи модернизации, сублимации, гибридизация языка коренного населения и нефтяников) на материале советской прозы 1960–1980-х годов. В статье делается вывод о доминирующем, в целом негативном отношении к болоту (в противоположность нефти), обусловленном инструментальным подходом к данному ландшафту и идеями прогресса советского дискурса.

Ключевые слова: болото, нефть, советская литература, постколониальность, экокритика.

Dirt of the Swamp and Gold of the Oil: Strategies of the Soviet Literary “Colonization” of the Swamps of Siberia

Abstract. The article explores the specifics of the literary rhetoric of the “colonization” of the swamps of Western Siberia and oil. It shows how the attitude to the swamp space is constructed (through its abstraction, mapping and poetics of the straight line), how the differences between the substances of the swamp and oil are established (stickiness, viscosity, alluring, femininity), and the ways of constructing the collective Soviet subject (ideas of modernization, sublimation, hybridization of the language of the indigenous population and oil workers) are also investigated basing on Soviet prose of the 1960s–1980s. The article concludes about the dominant, mostly negative attitude towards the swamp (as opposed to oil), because of the instrumental approach to this landscape and predominant soviet discourse of progress.

Keywords: swamp, oil, soviet literature, postcolonialism, ecocriticism.

Pelkės purvas ir naftos auksas: sovietinės literatūrinės Sibiro pelkių „kolonizacijos“ strategijos

Anotacija. Straipsnyje analizuojami Vakarų Sibiro pelkių ir naftos literatūrinės „kolonizacijos“ retorikos ypatumai. Jame atskleidžiama, kaip konstruojamas santykis su pelkės erdve (per jos abstrahavimą, žemėlapiavimą, tiesios linijos poetiką), lyginamos pelkės ir naftos substancijų savybės (lipnumas, klampumas, patrauklumas, moteriškumas),

Received: 01/09/2022. Accepted: 07/07/2022

Copyright © 2022 Julija Snežko. Published by Vilnius University Press

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

gvildenami kolektyvinio sovietinio subjekto konstravimo būdai (modernizacijos, sublimacijos, čiabuvių ir naftininkų kalbos hibridizacijos idėjos) remiantis sovietine septintojo – devintojo dešimtmečio proza. Straipsnyje daroma išvada apie vyraujančią, daugiausiai neigiamą požiūrį į pelkę (priešingai nei į naftą), nulemtą instrumentinio požiūrio į šį kraštovaizdį ir sovietinio pažangos diskurso idėjų.

Reikšminiai žodžiai: pelkė, nafta, sovietinė literatūra, postkolonializmas, ekokritika.

Болотная тематика в советском литературном дискурсе, в отличие от предыдущей культурной традиции, была в большой степени обусловлена тем, что литературные тексты открыто или завуалированно представляли государственную позицию в отношении изображаемого объекта.

Болота попали в сферу особого государственного интереса с открытием нефти и газа в труднопроходимых болотах Западно-Сибирской низменности в 50–60-х гг. XX в.¹. Чтобы освоить эти природные ресурсы, расположенные далеко от мест проживания, необходимо было направить в «болота» много людей разных профессий (Литовская 2010: 269). Для реализации этого проекта Советское государство, прибегнув к испытанному средству, привлекло на помощь литературу, чтобы «символически обосновать правомочность и перспективность новой государственной программы через увлекательные и поучительные истории жизни героев» (Там же).

Созданные произведения описывали трудности поиска нефти и освоения болотных пространств и воспевали победу над болотами и природой. «Взаимодействие» между болотом и нефтью в них затрагивает сложную культурно-философскую систему оценок обоих ресурсов, экологическую проблематику, а также – постколониальную ситуацию, связанную с проблемой конструирования коллективного советского субъекта, включающего в себя проживавших на заболоченных территориях коренных жителей², которые оказались в положении «цивилизованных туземцев» (Смола 2017, 435).

Цель данной статьи – проанализировать специфику литературной риторики добычи нефти в осваиваемых болотах, раскрывающейся через особое отношение к болотному пространству и субстанциям болота и нефти, а также способы конструирования коллективного субъекта на материале советской прозы 1960–1980-х гг.³

Нам известна только одна работа – статья М. А. Литовской «Болото как народнохозяйственный объект в советских романах 1970-х годов», в которой болота рассматриваются в контексте нефтедобычи. В ней исследовательница очерчивает контекст (историю добычи нефти), фокусируется на классовых аспектах романских сюжетов, отмечает некоторые особенности изображения нефтеносных болот («гиблость», «странное поведение») и приходит к выводу, что изображение болот «подчинено

¹ Событием, изменившим жизнь Западно-Сибирской низменности, стал сильный выброс газа на буровой недалеко от села Березово в 1953 г., давший импульс к последующей геологической разведке и открытию крупнейших месторождений нефти (Литовская 2010, 268).

² «Нефтегазовые месторождения Западной Сибири были открыты на тех же землях югры, хантов, манси и других северных народов, которые были колонизованы ради пушнины» (Эткинд 2016, 136).

³ Это произведения Константина Лагунова, Георгия Маркова, Александра Шелудякова, Владимира Колыхалова, Ильи Лаврова, Еремея Айпина (хантыйского писателя), манси Ювана Шесталова и др.

оправданию государственной программы нефтедобычи» (Литовская 2010, 275). С этим трудно не согласиться, однако представляется необходимым полнее раскрыть риторический арсенал взаимодействия человека с болотом в «нефтяных» текстах в его экокритической перспективе.

Отметим, что нефть, как и болото, также стала объектом культурологического анализа. Так, нефть как «объекту культурной рефлексии», воплощенному в «художественном петродискурсе» (Калинин 2019), был посвящен отдельный номер журнала *Неприкосновенный запас* 2019 г. Однако специфическое соотношение болота и нефти в нем не рассматривается⁴. Культурная концептуализация нефти влечет за собой и реконцептуализацию пространства, в котором разворачивается ее добыча, зачастую не в пользу этого пространства, в нашем случае – обширнейших сибирских болот.

Болота и карта как орудие войны

Одной из отличительных особенностей поэтики болота в советских «нефтяных» текстах является «болотный гигантизм» – подчеркивание неимоверного размера болот и восхищение этим фактом. Огромность – то, что отличает сибирские болота от болот европейской части России. Для примера ограничимся характерным наблюдением журналиста М. Гроссмана. Он подчеркивает огромность сибирского края и непохожесть его природы на русско-европейскую в очерке «Сестра наша – Сибирь»: «Но вот, оказывается, под боком у себя, в тысяче верст от Урала, расprostерты тайга и равнины, похожие на иные миры, на небывь отдаленных планет. Представьте себе их: до горизонта – болота, тайга, реки, болота». Эти болота отличаются от европейских, прежде всего, размером: «Мы привыкли в своей стране к огромным масштабам и цифрам. Но Западная Сибирь потрясает даже по нашим меркам. <...>. Здесь все огромно – тундра и болота, расстояния и тучи гнуса» (Гроссман 1974). Громадность болот в разных произведениях является не просто географическим фактом – она коррелирует с возвышенностью государственного проекта по их освоению: чем труднее предприятие, тем возвышеннее подвиг людей и власти⁵. Размер, препятствующий чувственному восприятию болота в его целостности, подталкивает к перекодировке болота в абстрактное пространство, в карту и цифры, доступные для интеллектуального схватывания⁶. Карта, в свою очередь, становится одним из средств «войны» против болота как труднопреодолимого препятствия на пути к добыче сокровища – нефти.

Характерной особенностью картографического пространства является его «дистанцирование и упорядочивание», включающее в себя «забвение повседневных

⁴ Пожалуй, наиболее близка к нашей теме работа О. Тимофеевой, в которой, в частности, рассматривается отношение к нефтедобыче малых народов Западной Сибири (Тимофеева 2019, 280–293).

⁵ Продолжая мысль К. Кларк, показавшей, что возвышенное в 30-х гг. в СССР использовалось художниками для репрезентации сталинской власти через изображение подвигов советского человека и освоение далеких периферий (Кларк 2009), можно сказать, что таким же образом возвышенное в рассматриваемый период репрезентировало правильность курса власти и «нефтяной» подвиг в «гиблых» болотах.

⁶ Схожим образом функционирует возвышенное у Канта, где разум одерживает победу над воображением или чувственным восприятием (Кант 1966, 250; 263).

практик» (де Серто 2008, 25). То есть карта, превращая элементы разнородного опыта в географическое знание, вытесняет практики, которые были предусловием ее появления (de Certeau 1984, 122)⁷. Картографическое пространство (или сетка) подразумевает наличие гомогенного унифицированного пространства, как бы не зависящего от конкретной точки зрения (Carter 1988, 204). Такое пространство А. Лефевр называл «репрезентацией пространства» или «задуманным пространством», то есть пространством «ученых, планировщиков, урбанистов», «кроящих» пространство и «отождествляющих переживание и восприятие с замыслом» (Лефевр 2015, 52). Подобное пространство является воплощением «тотализирующего взгляда» (де Серто 2008, 25).

Карта «редуцирует природное» (Лефевр 2015, 279), колонизирует землю (de Certeau 1984, 122), сводя ее к поверхности, подчеркивая доминирование зрения над другими органами чувств. Болота на карте лишены глубины: они фиксируются в определенных границах, хотя их реальная граница и глубина весьма изменчива (Giblett 1996, 66): они могут уменьшаться, пересыхая летом, и, наоборот, увеличиваться в размере весной. «Репрезентация пространства» или «задуманное», абстрактное, геометрическое пространство картографа-планировщика берет верх над пространством переживаемым (природа, тайга, болота, особый животный мир и т.п.), что морально «облегчает» нивелирование его ценности и может вести к его уничтожению.

Мы часто встречаем героев-инженеров, увлеченно рассматривающих карту болота, на которой прямыми «жирными», «яркими» линиями прочерчены трассы газо- или нефтепроводов (например, в романах *Кудринская хроника* (1984) Вл. Колыхалова, *Начнем сначала* (1991) К. Лагунова⁸). Причем строящаяся трасса находится в антагонистических отношениях – или/или – к болоту: жизнь трассы, техники возможна ценой смерти болота и наоборот: «Болота еще живут, потому и трасса мертва» (Лагунов 1991, 65).

«Нефтяные» романы и публицистические тексты отмечены поэтикой прямыны: это линии на карте, чертеже или плане, просеки, провода высоковольтных электропередач, каналы и траншеи, километры газопроводов и нефтетруб, зимники и трассы. Прямые линии, символизирующие прогресс, противоположны таежно-болотному лабиринту жизни, которая отнюдь не стремится по ним двигаться⁹. Олег Лайне в очерке «Газовая магистраль», посвященном добыче газа и нефти в Сибири, пишет, что, хотя четыре тысячекилометровый газопровод Уренгой – Помары – Ужгород

⁷ Мишель де Серто приводит следующий пример визуального оформления карт: «Плывущий по морю корабль, изображенный на карте, подразумевал морскую экспедицию, благодаря которой стало возможным отобразить береговую линию» (Там же, 122). Однако традиция «аллегорического изображения практики, которая сделала появление карты возможным», постепенно исчезала из картографирования (Там же).

⁸ Впервые роман был опубликован в журнале «Урал» в 1982 г. под названием *Бронзовый дог*.

⁹ Х. Бэллок, исследуя типы дорог, историю их прокладки и трудности при их строительстве, особо выделила болото как естественное препятствие. Болото – «из всех природных препятствий является единственным, которое человек не способен преодолеть без дополнительной помощи. Человек без помощи может лезть в горы, плыть в воде, продираться через густой подлесок. Однако болото для него непроходимо: это великое изначальное препятствие для прогресса» (Belloc 1923, 14).

на карте «выглядит всего лишь тонкой линией», но точно так же «обозначены на карте и путь первого кругосветного путешествия, и трасса первого космического полета», а прогресс человечества состоит «из множества таких линий» (Лайне 1985, 7). Прямая линия связана с определенной политико-экономической идеей, представляя собой «продукт интенционального взгляда», и, как «стрела», направлена и затрагивает Другого (Carter 1988, 222). Метафора стрелы, которую использовал Пол Картер, описывая особенности заселения Австралии, ее градостроительства (основой для строительства городов служил правильный перпендикулярный план улиц), прокладки дорог (Австралия отличается многокилометровыми прямыми трассами) релевантна для сибирского контекста. Линия, как пущенная стрела, может рассматриваться в качестве символического милитаристского жеста.

Карта, «бумага», как приказ на войне, задает жесткий маршрут, с которого геологи и исследователи не могут сойти. В романе Е. Айпина *Ханты, или звезда утренней зари* главному герою ханту Демьяну, опасаящемуся за будущее своих угодий, охотники рассказывают, что геологи «не могут <...> свернуть ни на шаг, не положено. Где по бумаге-рисунку им указано, там они сверлят землю...» (Айпин 1990, 37). Демьян боится за свои угодья, как жертва боится охотника: «И вот искатели, видно, тоже не ошиблись – прямо нацелились на Демьяна» (Айпин 1990, 37). Прямызна линий ранит, но, с другой стороны, в ней есть нечто завораживающее для обеих сторон процесса – для представителей власти (нефтяников), и для коренного населения.

Для первых линии являются символом новой жизни, утверждения советской идеологии и победы над природой и болотами: «Огнедышащей, грохочущей трассой Бурлак [начальник треста Гудымгазстрой] мог любоваться подолгу» (Лагунов 1991, 151). Для автохтонов прямые линии – чужеродные элементы, при этом властно втягивающие их в русло новой для них жизни, становясь одним из средств их колонизации. Так, в повести Ю. Шесталова «Тайна Сорни-Най» манси Сергей устраивается в геологическую экспедицию и получает задание прорубить просеку. Прорубленная им просека становится символом его жизненного пути: «Созерцая этот зеленый просвет, он думал о жизни, о своей дороге в ней» (Шесталов 1987а, 205). Но ради вступления на «прямую» стезю советской жизни, ему приходится пожертвовать «вековыми традициями мансийской тайги» (Там же, 202), то есть срубить кедр, «священное дерево манси», стоящее на пути геодезистов-топографов. Без просеки невозможно создание карт, с помощью которых они «будят» тайгу и урманы (Там же, 201). Сергей не согласен с прочитанными им описаниями тайги, в которых она предстает как «гиблая и бесплодная», окутанная «мертвой тишиной», в то время как для него урман полон жизни. Тем не менее, он будто ненароком перенимает язык доминирующей нации и через его призму оценивает ситуацию: его заботит пространство репрезентации – карты, без которых коренные народы прекрасно обходились. Он становится на позицию геологов и утверждает, используя чужой лексикон, что они установят, «действительно ли это гиблая бесплодная земля или есть в ней свои сокровища» (Там же, 199)¹⁰. Но

¹⁰ В советском официальном дискурсе ценность природы определялась тем, скрывает ли она сокровища или нет (Bolotova 2004, 113).

герой не может до конца перенять доминирующий язык, изжить из себя свой родной. Так, он оказывается в постколониальной ситуации «между» «чужим» и «своим»: «С каждой щепкой, может быть, отлетали языческие представления, навеянные таежным детством» (Там же). Здесь важна двойственность вводного слова «может быть»: языческие представления остались и указывают на гибридизированное сознание, когда субъект находится «внутри и вне коммунистического/колониального способа “говорения”», выражая тем самым протест и зависимость» (Смола 2017, 434).

Карта геологов и вытекающие из нее действия являют собой противоположность «лику земли» и отношению к земле (болотам) коренных жителей. «Лик земли» – переживаемое пространство социального взаимодействия – сбора ягод, выпаса оленей, кочевья, бережного отношения к природе. Именно аборигены и представители «простого народа» являются носителями экологического сознания. Вынужденно перенимая идеи модернизации и индустриализации, они высказывают критику в адрес оборотной стороны нефтяного проекта, которому сопутствуют небрежное обращение с природой, ее загрязнение, постепенное вытеснение коренного населения из родных угодий. Традиционный жизненный уклад ханты и манси, «оленоводство, охота и рыбалка – несовместим с нефтяной промышленностью» (Тимофеева 2019, 280–293). Технологически сложный процесс нефтедобычи нарушал экологический природный баланс (Там же).

Так, герой рассказа Айпина «Русский лекарь» хант Осип размышляет: «В моей памяти как наяву, лежал *лик нашей земли*: сор, боры, болота, речки, Аган, потом черные урманы, болота, снова речки и река Вах, соседний крупный приток Оби» (Айпин 1993. Курсив мой. – Ю.С.). Характерно, что болота в восприятии хантов являются не бросовой землей, а частью земного «священного лика»¹¹. Автор делает примечание, что герой его рассказа вовсе не предполагал, «что через 20–30 лет по юго-западным окраинам этих земель сомкнется кольцо нефтяных городов <...>. Пастбища и охотничьи угодья вверх дном перевернут нефтепромыслы, трубопроводы, линии электропередач <...>. А по рекам потечет нефть...» (Айпин 1993). Демьян из *Ханты, или звезда утренней зари* переживает, что вслед за геодезистами приходят добытчики, которые «в буквальном смысле переворачивают боры-беломошники, урманы черные, болота бескрайние», хвастаясь, что после них «на десятки километров от своих путей-дорог ничего живого» не остается (Айпин 1990, 37). В романе А. Шелудякова *Югана* старый тунгус Тунгир, как и манси Солвал в повести Шесталова «Когда качало меня солнце», тоже опасается за судьбу тайги, лесов болот, озер и рек.

Показательно, что добыча нефти воспринимается обеими сторонами процесса, геологами, инженерами и индигенным населением, во многом в терминах насилия над природой / землей. Но оценивают они ее по-разному. Для «нефтяных людей» с

¹¹ В романе Айпина *Ханты, или звезда утренней зари* в восприятии главного героя противопоставляются карта и лик: он вспоминает рассказы охотников о том, что геологи «едут... по бумаге, где нарисован лик Священной Земли – озера и реки, леса и болота, боры и ручьи, таежные сопки и низины. Рисунок этот у них картой называется» (Айпин 1990, 36).

землей связывается сема болезни. Так, Акимов в романе Г. Маркова *Сибирь* думает: «А чтобы переделывать свою землю по-новому, надо прежде всего ее знать... осмотреть ее, ощупать, послушать...» (Марков 1981, 128). Земля выступает как нездоровый несговорчивый пациент, не желающий «лечиться» и работать на благо человечества, отдавая ему «сокрытые» богатства. Такой взгляд является результатом инструментального подхода к земле, ее восприятия главным образом как ресурса. Если же земля не выдает секрет, то его вырывают «силой». Овладение землей происходит через «сверление», «дырявление», «разрывы» и «разрезы». В стихотворении Н. Денисова «Железная нить» (1976) герой слышит, как «В разорванной хляби болотной / Гудит / геометрия / трасс! / Сдалась под напором металла / Полярных земель тишина. / В старинный орнамент Ямала / Железная нить вплетена» (Денисов 1997). Особенно часто встречается мотив разрезания тайги, урманов, земли: «Изрежут юганскую тайгу просеки-зимники, лягут дороги»; «в землях Томского Приобья грохочет, не умолкая, лезвие стальной пилы. Ложится угрюмо под ножами кедровая тайга» (Шелудяков 1985, 279).

Земля/болота выступает как пациент, как женщина, которой овладевают силой. Г. Башляр в исследовании, посвященном поэтике стихий и взаимоотношениям субъекта с ними, пишет, что разные типы материи «обуславливают в грезящем анатомию сложных инстанций воли к власти» (Башляр 2000, 51). Твердая материя «провоцирует» субъекта, на ней он с помощью инструмента (ножа) упражняет свою «режущую волю» (Там же, 49–50). Такое удовольствие в терминах психоанализа носит садистский характер (Там же). В анализируемых текстах удовольствие от «разрезов» и «разрывов», безусловно, присутствует, что подтверждается обилием милитаристской «железной», «взрывной» метафорики, которую здесь нет возможности подробно рассмотреть.

Однако в конечном итоге коренные жители ступают на тропу прогресса, признавая его «благотворность» для них самих: «А теперь слушай просьбу Юганы: “Нефть надо найти. Без нефти совсем помрет Улангай”» (Шелудяков 1985, 105). К технике привыкает и Сергей из «Тайны Сорни-най» (Шесталов 1987а, 263). В повести Айпина «В ожидании первого снега» молодой хант Микуль Сигильетов, внук знаменитого медвежатника, отречется «от древнего охотничьего промысла» и «землю предков... дырять станет» (Айпин 1980, 8). В итоге, даже старухи поневоле «вынуждены были признать, что сам Нум Торум... не против “железной работы”, не против черной горячей воды» (Там же, 144). При этом амбивалентность ситуации никуда не исчезает¹².

¹² Так, герой повести «Тайна Сорни-най» внутренне раздваивается: в нем живет современный рациональный человек и человек интуитивный, сны которого сбываются. Герою повести «В ожидании первого снега» стало обидно, что он остается «в стороне от больших дел». Несмотря на внутренний конфликт, он хочет стать «хозяином» земли, научившись «железному делу» (Айпин 1980, 35).

Феноменология липких субстанций

Итак, в фокусе «нефтяных» текстов – нефтяная субстанция и болото, в которой ее добывают. В некотором смысле болото (точнее, болотную жижу) тоже можно считать своего рода субстанцией. Субстанции нефти и болота близки, хотя и в разной степени, но они разделяют качества липкости и вязкости: жижа – «вязкая, густоватая жидкость», нефть – «жидкое, маслянистое горючее вещество» (Ожегов 1961, 188; 402). Но они наделяются совершенно разной семантикой. Эти их феноменологические аспекты рассмотрим более подробно, так как именно они вызывают страх/отвращение перед болотом и, как это ни парадоксально, восторг перед нефтью.

Приведем размышление Ж.-П. Сартра о липкости. Липкости (как и воде) в его экзистенциальной феноменологии присуща мягкость, податливость, послушность. Однако эта мягкость двусмысленна: как только у субъекта возникает мысль о возможности овладеть ею, происходит «обратное присвоение владеющего владеемым» (Сартр 2004, 611). Именно с этим процессом связан страх перед липкостью, страх потерять себя: «коснуться липкости – значит рисковать раствориться» в ней, липкое «прилипает», «поглощает», «всасывает» (Там же). Но если липкость болота (жижи) вызывает отвращение и ярость (против нее ведется ожесточенная борьба: она засасывает технику, побеждая твердое и железное, заливают грязью строящиеся города; всё «сознательное» – планы, расчеты, стратегии – грозит увязнуть в ней), то вязкость нефтяной липкости, как мы увидим далее, желанна.

Рассуждая о мягкой материи, Башляр высказал интересную мысль, что, если твердым телам бросается вызов, то «у теста... врагов нет» (Башляр 2000, 116). У болотного «теста», напротив, враги есть – участники процесса нефтедобычи. Комментируя размышления Сартра о липкости/вязкости – «оно привлекает к себе, как может привлекать дно пропасти» (Сартр 2004, 610), Башляр замечает, что вязкое будет овладевать субъектом, если ничего не будет «предпринято». Однако если его «обрабатывать, все изменится»: например, достаточно взять горсть муки, чтобы отлепить тесто от рук (Башляр 2000, 124). Чтобы избавиться от «липкости» болота, должна быть разделена его «субстанция» – твердая часть отделена от жидкой, но тогда это означает смерть болота. В «нефтяных» романах вязкость/липкость болота героями до конца не элиминируется и только частично «усмиряется», «прошита» стальными сосудами трубопроводов. Вязкость вызывает явную мужскую агрессию: на нее бросается железная техника. Башляр пишет, что «агрессивно обращаясь с вязким, мы покидаем наиболее глубокие пласты бессознательного», которое по большей части является женственным (Там же, 125).

Сартр, как и Башляр, сравнивает липкое с женственным: «я чувствую его [липкое] как головокружение; оно привлекает к себе, как может привлекать дно пропасти»; его «деятельность мягкая, уклончивая, как женственное дыхание» (Сартр 2004, 610). И. Калинин, анализируя концепт нефти в современном художественном петродискурсе, также отмечал ее манящность: «<...> за редкими исключениями жирные и тягучие потоки нефти завораживают даже тех, кто критикует ее роль в

российской истории последнего столетия. Черная засасывающая субстанция под радужными разводами, блестящими на ее поверхности, оказывается не столько пугающей, сколько манящей» (Калинин 2019). Если вспомнить символистов с их тягой к болотным пучинам, то перенос смысловых акцентов становится очевидным. Символистов болото притягивало как возможность самозабвения, избавления от своей самости и любых ограничений, как момент освобождения, погружения в женственное (Ханзен-Леве 1999, 251–255; 275–284; Снежко 2019, 72–73). В «нефтяных» текстах – наоборот, происходит реинтеграция маскулинной самости (за счет порабощения женственного), активизация витальных сил (энергизирование) и в конечном итоге подчинение государственному дискурсу и встраивание в его энергичную систему.

В определенном аспекте (качество липкости) и болото, и нефть разделяют семантику женственности, усиленную мотивом тайны и хранимых в болоте сокровищ. Болота как будто маркированы женским присутствием (статуями древних языческих богинь и легендами коренных сибирских народов, в том числе о Зарни-Ань, Сорни-Най или Золотой бабе¹³). Нефть также иногда называется женскими именами: «палеозойская королева», «золотая богиня». Она наделяется притягательной женской силой: «история поисков нефти <...> так волновала этих людей, будто они заморожены какой-то еще неведомой Золотой богиней» (Шесталов 1987а, 206). Овладение нефтью/болотом, маркированных феминностью, вскрывает двойственностью ситуации: с одной стороны, ресурс осваивается в результате насилия над болотом («землю дырявят», «переворачивают болота бескрайние»), с другой стороны, параллельно происходит колонизация местного населения. Увлечение героев из ханты и манси топонимикой, историческими загадками, легендами, стремление больше узнать о своей на глазах утрачиваемой истории и культуре, косвенным образом подталкивает их к участию в поисках нефти в «чужом» для них историческом проекте¹⁴.

Отметим, что обнаруженная нефть находится именно на их исторической территории, как клады и сокровища, о которых рассказывают их легенды, но они нефтью не владеют (Тимофеева 2019, 280–293). Мотив клада (золотой женщины) разрабатывается параллельно или накладывается на мотив поисков нефти, иногда указывая на возможные нефтяные залежи («Даже среди приобских болот нашлось редчайшее захоронение. А это верный признак того, что и на глубине <...> повезет...») (Машкин 1982, 199)). «Гиблые» безлюдные болота являются не просто «природной дикостью» – они хранят культурные следы: «Казалось, самые глухие болота окружали буровой участок Халлиулина», но там были найдены вещи древних людей (Там же, 199). Болото оказывается пространством, хранящем в себе два клада,

¹³ Наименование того же женского божества на языках коми и ханты.

¹⁴ Для сравнения отметим, что в повести К. Паустовского «Колхида» звучит схожий мотив. В подлежащих осушению колхидских болотах охотник Гулия обнаруживает статую прекрасной мраморной женщины. Женская статуя выступает здесь как символ победы маскулинности – статуя «меняет своего хозяина с прежнего “владельца болота” охотника Гулии – на нового коммуниста Габунью» (Розенхольм 2010). Также она функционирует как артефакт, символизирующий историю, которой «овладевают коммунисты», чтобы «лучше понимать и оценивать социалистические достижения» (Там же, 140).

один природный, другой – культурный, ставящий под сомнение распространенный элемент дискурса о Сибири как о «пустом», безлюдном пространстве, как о некоей *terra nullius*¹⁵, нивелирующей «темную» сторону колонизации сибирских болот.

Сублимация материи и конструирование коллективного субъекта

Еще один важный фактор, определяющий различие в болотной и нефтяной семантике, – это разная способность этих субстанций к сублимации и трансформации. Сублимируется нефть, одна часть которой в виде попутного газа сжигается в факелах, а другая идет на нужды индустриализации страны, благодаря скрытому в ней «огненному» началу. Болота, в свою очередь, предстают как инертная мертвая масса и наделяются пейоративными характеристиками («мертвые», «воистину проклятые богом и людьми болота, болота, болота»), из которых любой ценой должна быть вырвана «живая» нефть [Лагунов 1979, 25]). Мягкая вязкость нефти подвергается возгончному процессу, в результате чего нефть трансформируется в более тонкие энергии, например, бензин, газ, электричество. Липкая субстанция нефти содержит в себе огонь/золото и сублимируется в огонь/энергию, который иерархически «выше», чем бессмысленный огонь торфяных пожаров. Таким образом, семантически две липкие субстанции аксиологически разделяются: болотная жижа является грязной, «презренной» за отсутствием трансформирующих/прогрессивных способностей¹⁶, в отличие от «чистой» нефти, которая как субстанция тоньше, однороднее жижи, «теплее» («кровь земли»).

Кроме того, огонь в иерархии стихий занимает высшее место, так как является символом сознания, разума и концептуализируется как мужское начало (Giblett 1996, 26). Поэтому стихия воды (болотной) в «нефтяных» текстах принижается. Огонь выступает неким грозным божеством, перед возвышенностью которого склоняются нефтяники. Как пишет М. Мардер, для многих философов он является «самой идеальной стихией» благодаря близости к духу, для которого материя служит пищей (Marder 2020, 7)¹⁷. Однако неуёмное «поедание» материи может иметь печальные последствия для Земли. Развивая идеи Мардера, Тимофеева пишет об агрессивных аспектах добывающей промышленности: «Угольные шахты, нефтяные и газовые

¹⁵ Во многих произведениях звучит мотив пустой земли, подлежащей колонизации и окультуриванию. Слабая заселенность Сибири была проблемой имперской (позднее советской) власти. Риторически, однако, подчеркивание пустоты территории как бы элиминирует издавна жившие там коренные народности. Термин *terra nullius* чаще всего применяется к австралийскому контексту: европейские поселенцы трактовали австралийскую природу и земли как «нетронутые человеческой рукой», хотя аборигены там жили и изменяли природный ландшафт на протяжении более 50 000 лет (Giblett 2011, 101).

¹⁶ Чтобы иметь ценность, она должна уплотниться до торфа, лишившись жидкого начала. Но по теплотворной способности торф не может соперничать с нефтью – ее теплотворность в три раза выше (Таблица 2022).

¹⁷ Мадер также отмечает, что империи – например, Британская, Португальская, Испанская – в своих саморепрезентациях использовали солнечную символику, позиционируя себя как пространство, над которым никогда не садится солнце; они служили медиаторами между божественным светом, цивилизацией и другим миром (Там же). В нашем случае нефтяная промышленность и советская имперская идеология несут «свет» коренным народам.

скважины – это дыры, которые [человек] проделывает, чтобы погрузиться внутрь, достать из-под земли древние залежи природных ресурсов и предать их огню»¹⁸.

Добыча нефти является одним из катализаторов модернизационных процессов, философской основой которых является идея вечного становления, максимального развития потенциала отдельной личности, а также экономики и всех сфер жизни; другими словами, это идея постоянного движения, даже если его цель не до конца ясна, а средства достижения сомнительны. Символом такого движения является нефтяная или газовая трасса. Болото – то, что подлежит изменению, уничтожению ради «жизни», постоянного «становления». Как ради прогресса подлежит уничтожению болотистый клочок земли, на котором живут гётевские Филимон и Бавкида¹⁹, так и болота как препятствие должны быть убраны с пути движения «жизни»-нефти по трассе: «...раз живет, значит, движется. Вперед или назад, к апогею или к гибели, но движется. <...>. Остановка смерть» (Лагунов 1991, 151).

В «нефтяных» романах сублимируется не только нефть, но и люди, участвующие в нефтедобыче, превращаясь в «единое» тело. И если основой для возгонки нефти является огонь, то для них возгоночной базой становится эмоция ярости или одержимости, символизируемых той же стихией «огня»²⁰: «И в этом яростном труде разноплеменная, всевозрастная, одичавшая от бродяжьего быта толпа превратилась в лихую дружную рабочую артель, где все – за одного, а дело – на первом плане» (Лагунов 1979, 13); «[у людей было] лишь яростное, неодолимое желание во что бы то ни стало зацепиться на болотистом обском берегу» (Лагунов 1979, 25). Как в алхимической реторте, люди переплавляются в одно целое под действием «задачи архисложной, невероятно сложной» (Лагунов 1991, 387).

Катализатором для такого превращения выступает упомянутая «ярость», значительная часть которой оказывается направленной на болота, сопротивляющуюся материю. Нефть действует как философский камень, при соприкосновении с которым трансформируются вещество²¹ и люди²². Воспользовавшись мыслью И. Калинина, можно сказать, что «завораживающие» «жирные тягучие потоки нефти» «синтезировали» советскую идентичность коллективного субъекта²³. Одержимость, ярость,

¹⁸ Анализируя нефтяную промышленность с философской позиции, О. Тимофеева следует мысли Мардера о важности образа феникса для современной глобальной экономики и политики, нещадно эксплуатирующих природные ресурсы и считающих, что они, как феникс, будут возрождаться сами собой, что, в свою очередь, приближает экологическую катастрофу. Тимофеева показывает, к чему ведет понимание нефти как феникса, с какими политическими, экономическими проблемами это связано и как отображается в некоторых культурных текстах (Тимофеева 2019, 280–293).

¹⁹ Подробнее см.: (Berman 1988, 60–87).

²⁰ Этимологически «исходное значение “горячий”, “огненный”» (Шанский 2004).

²¹ В повести Шесталова «Тайна Сорни-най» прямо говорится об этом: «Из нефти спроектируем соевинскую селедку. Как осетровую икру. Трудно сказать, чего нельзя сотворить из черного золота» (Шесталов 1987а, 324).

²² У алхимиков с помощью внутреннего огня и правильных процедур начинали актуализироваться потенциальные возможности человека (Marder 2020, 61).

²³ Хотя И. Калинин писал о постсоветских реалиях, о нефти как «символической фигуре», «симптоме», посредством которых «обретает язык постсоветское бессознательное», стремящееся «синтезировать национальную идентичность» (Калинин 2019, 219–254), идея, на наш взгляд, применима к анализируемой ситуации.

мечта сплачивают людей в один коллектив, «мы», за которым стоит государство, власть. Подобно тому, как образ огня играл важную роль в идее создания нового человека в горниле революции на останках капиталистической системы в Советской России (Marder 2020, 61–62), огненная стихия здесь создает «новое мы», причем это «коллективное мы» отмечено риторикой демиургичности или «сверхчеловека». Именно так герой романа К. Лагунова помбур Егор рассказывает об установке буровой: «Кругом вода ржавая, няша – ни подъехать, ни подойти – буровая гудит! Куда усталость делась! Сквозь землю готов... Этот-то миг – самая дорогая награда. Мы – всемогущи. Мы – боги на этой земле» (Лагунов 1979, 61). Чтобы стать «богами», они должны победить в «невиданно дерзком, полуфантастическом поединке с болотами, тайгой и стужей, который окрестили “чудом XX века” и о котором вскоре загомонил весь мир» (Там же, 24–25)²⁴. Интересно то, что в конструировании коллективного «мы», помимо рационального начала (доминирование разума, инструментальный подход, борьба против «спящих» болотных пространств и «глухумани»), явно высвечивается иррациональное, языческое начало, несмотря на то что оно должно быть изжито. Можно сказать, что происходит контаминация двух языков-мировоззрений, научного и индигенного.

С одной стороны, перекодируется «наивный» язык мифологических представлений коренных жителей (как части нового «мы») на научный. Например, слова старого Ильи-Аки – «Священный бык земли бесится. Он вырвался из плена. Ревет. Плюется горячей водой, песком. <...> А за ним следом с гулом и громом выходит Сорни-най. Наша золотая огненная богиня...» – в переводе на научный язык означали: «В Березове газ фонтанирует! Открытие!» (Шесталов 1987а, 231). В романе Шелудякова Югана молодой эвенк-геолог Иткар спрашивает старого ханта о болотах, на которых происходило самовозгорание нефти. Хант интерпретирует возгорание как «приход духа огня, который всегда берет жертву», а торф для духа – «вкусная еда», и не понимает, почему Иткар «душу огня считает плохой». Иткар отвечает в рамках научного дискурса: «сгоревшие торфяники – это украденные у [их] внуков и правнуков миллиарды тонн хлеба» (Шелудяков 1985, 231–233).

Вместе с научным языком перенимается чуждое мировоззрение, идеи прогресса, просвещения, технического развития, и коренные жители в конечном итоге принимают участие в нефтегазовом промысле, соглашаясь с идеей его благотворности для них самих. Тексты Шелудякова – русского по национальности, Айпина – ханты, Шесталова – манси раскрываются в свете постколониальной перспективы: язык и этническое самосознание коренных жителей гибридизируется²⁵. При вовлечении в орбиту притяжения идеологии советской модерности, заимствовании доминирующего языка советского дискурса и русского языка (в том числе и для осмысления самих себя), в их сознании происходил противоречивый симбиоз «мифа и модерности» (Смола 2017, 437). «Постколониальная гибридность», как пишет К. Смола, прояв-

²⁴ Несмотря на победу, огненная стихия в любой момент готова вырваться из-под контроля, а «болото требует жертвоприношений – платы за свои плоды» (Литовская 2010, 276).

²⁵ О литературах Севера в контексте постколониальной теории см. (Смола 2017).

ляется не «в открытом антиколониальном пафосе, но в перформативном смешении дискурсов» (Там же, 437–438).

С другой стороны, нередко «нефтяной» язык эмиссаров центра сближается с языком коренных жителей. В какие-то моменты для нефтяников нефть и газ предстают не как «горючее вещество», а как дух или джин, которым следует овладеть: «к остолбленному геологами сибирскому нефтяному исполину подходили как к медвежьей берлоге: и пустая не радовала, и с начинкой не веселила»; «Тогда и сшибли пробку с кремневой подземной бутылки, в которой миллионы лет корчился нефтяной исполин» (Лагунов 1979, 24). В миниатюре И. М. Лаврова «Шаман нефтяников» (1988) газовый факел прямо сопоставлен с «великим шаманом», с языческим «яростным», «грозным, космическим божеством» (Лавров 1988).

Нефтяникам-демиургам еще предстоит победить грязь болота в нефтяном Нижневартовске: «Но создание богов не завершено, оно еще в черновике. Улицы пока залиты водой и грязью. Грязь по колено – великое болото еще похваляется своей силой» (Там же), – аллюзия на имперский «демиургический» проект Петра I.

Мы видим, что сознание нефтяников, носителей научного дискурса, как и в случае коренных жителей, тоже гибридизируется: трассы, визирки, теодолиты, дюкеры облекаются в язык, напоминающий язык «аборигенов», а именно, трасса превращается в тело «раскаленной, медленно ползущей гигантской змеи», нефть – в дух, «нефтяного исполина», «божество». Тем самым создается неязыческая мифология.

Эту мифологию поддерживает восприятие нефти как своего рода причащения, только окрашенного в языческие тона, причем «причащение» нефтью действует как магическое вещество-спайка, склеивающее людей в новый коллектив. В *Кудринской хронике* «таежный человек» окончательно втягивается в процессы индустриализации, новый технический мир через нефтяное «помазание»: «В свете огней, казавшихся уставшими, как и люди, руки и лица рабочих блестели жирными пятнами нефти. И Хрисанфа Мефодьевича помазали нефтью. По трубе нефтепровода она шла чистая, теплая – настоящая кровь земли» (Колыхалов 1984, 107). Скрытые религиозные нотки звучат в романе Лагунова *Больно берег крут*, в описании дня, когда нефть наконец пошла по трубе. «Белых» нефтяников сплавляет в единое целое чуть ли не религиозный экстаз: «Тридцать пять лет по урманам и топям шли они к этой победе. Обветренные сиплоголосые мужики плакали, припав щекой к трубе, из которой хлестала в баржу нефть»; «Бакутин звал и ждал Асю к этому празднику, хотел, чтоб... со всеми вместе причастилась к великой победе» (Лагунов 1979, 13). Насколько отталкивающа болотная грязь, настолько притягательна нефтяная. Нефть наделяется силой «магической жидкости». И как церковный елей трансформирует людей, собравшихся на «таинство», так и нефть преобразует, очищает и одухотворяет (Там же, 305). Более того, нефть как философский камень животворит все вокруг: «А струя нефти била из трубы, расплываясь золотистыми кольцами по сверкающему зеленовато-коричневому озеру, в котором ожили летнее небо, и зубчато-зеленый лес...» (Шесталов 1987а, 305). В противоположность нефти, болота остаются мертвым пространством.

Итак, литературная «колонизация» сибирских нефтеносных болот складывалась из нескольких элементов. С одной стороны, в перспективе пришлых нефтяников болота концептуализировались как гиблое пространство, как препятствие на пути освоения «золота нефти» и перекодировались на абстрактный язык карты, выступающей как средство войны против болот. С другой стороны, для коренного населения болота являлись частью «священного лика земли» и воспринимались как часть живой природы. Сама нефтяная субстанция оценивается выше «болотной», поскольку она ближе к огненному началу, символизирующему разум, сознание, мужское начало, и обладает способностью к сублимации и изменению. Болото же наделяется инертностью, отсутствием потенциала к трансформации и вызывает незаслуженную ярость.

Анализ «нефтяных» текстов позволяет сделать заключение о том, что по мере усиления инструментального подхода с позиции государства (болото как ресурс) нефть все более мифологизировалась. Добыча нефти на болотах, имевшая неоднозначные экологические и культурные последствия, в конечном итоге функционировала как алхимическая огненная возгонка для модернизационных процессов и «склейки» коллективного советского субъекта, в который входили как представители доминирующей русской нации, так и коренное население, против своей воли втягивающееся в орбиту неоднозначного прогресса. Однако и сам «прогрессивный» нефтяной дискурс, долженствующий изжить языческие предрассудки, контаминировался: научные элементы смешивались с мифологическими, языческими. Сами же болота оставались и, к счастью, остаются до конца не побежденными.

Литература

- Айпин, Е. 1980. *В ожидании первого снега*. Москва: «Современник».
- Айпин, Е. 1990. *Ханты, или звезда утренней зари*. Москва: «Молодая гвардия».
- Айпин, Е. 1993. Русский лекарь. Рассказ Сардакова Иосифа. *Айпин Е. Клятвопреступник. Избранное*. Москва: Наш современник. Режим доступа: https://litlife.club/books/315037/read?page=33#section_16 [см. 20 08 2022].
- Башляр, Г. 2000. *Земля и грезы воли*. Москва: Издательство гуманитарной литературы.
- Гроссман, М. 1974. Сестра наша Сибирь. *Каменный пояс*. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство. Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/21603> [см. 20 08 2022].
- Де Серто, М. 2008. По городу пешком. *Социологическое обозрение* 7, № 2, 24–38.
- Денисов, Н.В. 1997. *Стезя*. Щадринск: ПО «Исеть». Режим доступа: [см. 20 08 2022].
- Калинин, И. 2019. Русская петропэтика: литературные продукты нефтепереработки. *Неприкосновенный запас* 4 (126), 219–254. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/126_nz_4_2019/article/21777/ [см. 09 08 2022].
- Кант, И. 1966. *Сочинения в 6 т.* Москва: «Мысль». Т. 5.
- Кларк, К. 2009. Имперское возвышенное в советской культуре второй половины 30-х годов. Новое литературное обозрение 95, 58–80. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/1/imperskoe-vozvshennoe-v-sovetskoj-kulture-vtoroj-poloviny-1930-h-godov.html> [см. 09 08 2022].
- Колыхалов, Вл. 1984. *Кудринская хроника*. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство.
- Лавров, И.М. 1988. *Листопад в декабре*. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство. Режим доступа: <https://coollib.com/b/248193/read> [см. 20 08 2022].
- Лагунов, К.Я. 1979. *Больно берег крут*. Москва: «Современник».
- Лагунов, К.Я. 1991. *Начнем сначала*. Москва: Советский писатель.

- Лайне, О. 1985. Газовая магистраль. *Лайне О. На суше и на море*. Москва: «Мысль», 7–13.
- Лефевр, А. 2015. *Производство пространства*. Москва: Strelka Press.
- Литовская, М.А. 2010. Болото как народнохозяйственный объект в советских романах 1970-х годов. *Русское болото: между природой и культурой. Материалы международной научной конференции*. Тверь: Издательство М. Батасовой, 268–277.
- Марков, Г.М. 1981. *Сибирь*. Москва: «Художественная литература».
- Машкин, Г.Н. 1982. Неходовая леска. *Машкин Г.Н. Открытие. Роман. Рассказы*. Москва: Профиздат, 198–208.
- Ожегов, С.И. 1961. *Словарь русского языка*. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Розенхольм, А. 2010. «Колхида» К. Паустовского как ключевой текст о болотах и новом мужчине. *Русское болото: между природой и культурой. Материалы международной научной конференции*, 143–144. Тверь: Издательство М. Батасовой.
- Сартр, Ж.П. 2004. *Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии*. Москва: «Республика».
- Смола, К. 2017. Постколониальные литературы Севера: автоэтнография и этнопоэтика. *Новое литературное обозрение* 2, 429–447.
- Снежко, Ю. 2019. «Я камыши пропел, как до меня не пели...»: семантика болота в поэзии К. Д. Бальмонта. *Literatūra* 61 (2), 70–83.
- Таблица значений удельной теплоты сгорания топлива. Режим доступа: <http://amko.ltd/tablitisa-znacheniy-udelnoy-teploty-sgoraniya-topлива> [см. 09 08 2022].
- Тимофеева, О. 2019. Добывающая онтология и абстрактная промышленность: три машины войны. *Неприкосновенный запас* 4 (126). Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/126_nz_4_2019/article/21777/ [см. 09 08 2022].
- Ханзен-Лёве, А. 1999. *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм*. Санкт-Петербург: «Академический проект».
- Шанский 2004 = Школьный этимологический словарь русского языка. Сост. Н. М. Шанский, Т. А. Боброва.
Режим доступа: <https://gufo.me/dict/shansky/%D1%8F%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> [см. 09 08 2022].
- Шелудяков, А. Г. 1981. *Из племени Кедр*. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство.
- Шелудяков, А. Г. 1985. *Югана*. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство.
- Шесталов, Ю. 1987а. Тайна Сорни-Най. *Шесталов Ю. Избранные произведения*. Ленинград: «Художественная литература».
- Шесталов, Ю. 1987б. Когда качало меня солнце. *Шесталов Ю. Избранные произведения*. Ленинград: «Художественная литература».
- Эткинд, А. 2016. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. Москва: Новое литературное обозрение
- Эткинд, А. 2020. *Природа зла. Сырье и государство*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Bello, H. 1923. *The Road*. Manchester: Charles W. Hobson.
- Berman, M. 1988. *All that is Solid melts into Air. The Experience of Modernity*. New York: Penguin Books.
- Bolotova, A. 2004. Colonization of nature in Soviet Union: state ideology, public discourse, and experience of geologists. *Historical Social Research* 29 (3), 104–123.
- Carter, P. 1988. *The road to Botany Bay: An Exploration of Landscape and History*. New York: Alfred A. Knopf.
- De Certeau, M. 1984. *The Practice of Everyday Life*. University of California Press, Berkeley.
- Giblett, R. 1996. *Postmodern Wetlands. Culture, History, Ecology*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Giblett, R. 2011. *People and Places of Nature and Culture*. Intellect Bristol. UK, Chicago/ USA.
- Marder, M. 2020. *Pyropolitics in the world ablaze*. London, New York: Rowman & Littlefield.

References

- Aipin, E. (1980). *V ozhidanii pervogo snega*. [Waiting for the first snow]. Moscow: Sovremennik Publ.
- Aipin, E. (1990). *Khanty, ili zvezda utrennei zari*. [Khanty, or the star of the morning dawn]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.
- Aipin, E. (1993). Russkii lekar'. Rasskaz Sardakova Iosifa. [Russian doctor. A story of Sardakov Iosif]. In Aipin, E. *Khyatvoprestupnik. Izbrannoe*. [Oath-breaker. Collected works]. Moscow: Nash sovremennik Publ. Available at: https://litlife.club/books/315037/read?page=33#section_16 (Accessed: 20 August 2022).
- Bachelard, G. (2000). *Zemlya i grezy voli*. [Earth and reveries of will]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literaturny Publ.
- Belloc, H. (1923). *The Road*. Manchester: Charles W. Hobson.
- Berman, M. (1988). *All that is Solid melts into Air. The Experience of Modernity*. New York: Penguin Books.
- Bolotova, A. (2004). Colonization of nature in Soviet Union: state ideology, public discourse, and experience of geologists. *Historical Social Research* 29 (3), pp. 104–123.
- Carter, P. (1988). *The road to Botany Bay: An Exploration of Landscape and History*. New York: Alfred A. Knopf.
- De Certeau, M. (1984). *The Practice of Everyday Life*. University of California Press, Berkeley.
- De Serto, M. (2008). Po gorodu peshkom. [Walking in the city]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], vol. 7 (2), pp. 24–38.
- Denisov, N.V. (1997). *Stezya*. [Path]. Shchadrinsk: PO «Iset'» Publ. Available at: (Accessed: 20 August 2022).
- Etkind, A. (2016). *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii*. [Internal colonization. Russia's imperial experience]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
- Etkind, A. (2020). *Privroda zla. Syr'e i gosudarstvo*. [The nature of evil. Resources and the state]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
- Giblett, R. (1996). *Postmodern Wetlands. Culture, History, Ecology*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Giblett, R. (2011). *People and Places of Nature and Culture*. Intellect Bristol, UK, Chicago/ USA.
- Grossman, M. (1974). Sestra nasha Sibir. [Our sister Siberia]. *Kamennyi poyas*. [Stone belt]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. Available at: <https://biography.wikireading.ru/21603> (Accessed: 20 August 2022).
- Kalinin, I. (2019). Russkaya petropoetika: literaturnye produkty neftepererabotki. [Russian petropoetics: literary products of oil refining]. *Neprikosnovennyyi zapas*, 4 (126). [Emergency ration]. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyyi_zapas/126_nz_4_2019/article/21777/ (Accessed: 9 August 2022).
- Kant, I. (1966). *Sochineniya v 6 tomakh*. T. 5. [Collection of works in 6 vol. Vol. 5]. Moscow: Mysl' Publ.
- Klark, K. (2009). Imperskoe vozvyshennoe v sovetskoi kul'ture vtoroi poloviny 30-kh godov. [The imperial sublime in the Soviet culture of the second half of the 1930s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 95, pp. 58–80 [New literary review]. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/1/imperskoe-vozvyshennoe-v-sovetskoy-kulture-vtoroj-poloviny-1930-h-godov.html> (Accessed: 09 August 2022).
- Kolykhalov, V.I. (1984). *Kudrinskaya khronika*. [Kudrinsk chronicle]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.
- Lagunov, K.Ya. (1979). *Bol'no bereg krut*. [Very steep is the shore]. Moscow: Sovremennik Publ.
- Lagunov, K.Ya. (1991). *Nachnem snachala*. [Let's start from the beginning]. Moskva: Sovetskii pisatel' Publ.
- Laine, O. (1985). Gazovaya magistral'. [Gas line]. In Laine, O. *Na sushe i na more*. [On the shore and in the sea]. Moscow: Mysl', pp. 7–13.
- Lavrov, I.M. (1988). *Listopad v dekabre*. [Leaf fall in December]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. Available at: <https://coollib.com/b/248193/read> (Accessed: 20 August 2022).
- Lefevr, A. (2015). *Proizvodstvo prostranstva*. [The production of space]. Moscow: Strelka Press Publ.
- Litovskaia, M.A. (2010). Boloto kak narodnokhoziaistvennyi ob'ekt v sovetskikh romanakh 1970-kh godov. [A peatbog as economic unit in the Soviet novels of the 1960–1970s]. *Russkoe boloto: mezhdunarodnoi i kulturoi*. [The Russian peatbog: between the nature and the culture]. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tver': Izdatel'stvo M. Batasovoi Publ., pp. 268–277.
- Marder, M. (2020). *Pyropolitics in the world ablaze*. London, New York: Rowman & Littlefield.
- Markov, G.M. (1981). *Sibir'*. [Siberia]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.

- Mashkin, G.N. (1982). Nekhodovaya leska. [Slow line]. In Mashkin, G.N. *Otkrytie. Roman. Rassказы*. [Discovery. A novel. Stories]. Moscow: Profizdat Publ., pp. 198–208.
- Ozhegov, S.I. (1961). *Slovar' russkogo yazyka*. [Dictionary of Russian language]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ.
- Rozenkhol'm, A. (2010). «Kolkhida» K. Paustovskogo kak klyuchevoi tekst o bolotakh i novom muzhchine. [«Colchis» by K. Paustovskij as a key text on peatbogs and a new male]. *Russkoe boloto: mezhdu prirodoj i kulturoj. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*. [The Russian peatbog: between the nature and the culture. Materials collection of the International Scientific Conference], Tver': Izdatel'stvo M. Batasovoi Publ., pp. 143–144.
- Sartre, J.-P. (2004). *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii*. [Being and nothingness. An essay on phenomenological ontology]. Moscow: Respublika Publ.
- Shanskii, (2004) = *Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. [Etymological dictionary for school]. Comp. N.M. Shanskii, T.A. Bobrova. Available at: <https://gufo.me/dict/shansky/%D1%8F%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (Accessed: 09 August 2022).
- Sheludyakov, A.G. (1981). *Iz plemeni Kedra*. [From the Cedar tribe]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ
- Sheludyakov, A.G. (1985). *Yugana*. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.
- Shestalov, Yu. (1987a). Taina Sorni-Nai. [The mystery of Sorni-Nai]. In Shestalov, Yu. *Izbrannye proizvedeniya*. [Collected works]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ.
- Shestalov, Yu. (1987b). Kogda kachalo menya solntse. [When the sun rocked me]. In Shestalov, Yu. *Izbrannye proizvedeniya*. [Collected works]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ.
- Smola, K. (2017). Postkolonial'nye literatury Severa: avtoetnografiya i etnopoetika. [Postcolonial literatures of the North: autoethnography and etnopoetics]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2, pp. 429–447.
- Snezhko, Yu. (2019). “Ya kamyshi propel, kak do menia ne peli...”: semantika bolota v tvorchestve K.D. Bal'monta. [“I sang the reeds as no one sang before me...”: semantics of the swamp in the poetry of K.D. Balmont]. *Literatūra* [Literature], 61 (2), pp. 70–83.
- Tablitsa znachenii udel'noi teploty sgoraniya topliva. [Table of values of specific heat of combustion of fuel]. Available at: <http://amko.ltd/tablitza-znacheniy-udelnoy-teploty-sgoraniya-topliva> (Accessed: 09 August 2022).
- Timofeeva, O. (2019). Dobyvayushchaya ontologiya i abstraktnaya promyshlennost': tri mashiny voyny. [Extraction ontology and abstract industry: three war machines]. *Neprikosnovennyi zapas*, 4 (126). [Emergency ration]. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/126_nz_4_2019/article/21777/ (Accessed: 09 August 2022).